

ОТКРЫТАЯ КОНСПИРАЦИЯ
Наметки
Планы для всемирной революции

Г. Дж. Уэллс

Уилфред Сидни Джессоп

Лондон

«Виктор Голлнц Лтд.»

Генриетта стрит, 14, Ковент Гарден

1928Посвящается ДАНИЕЛЮ ГЕРБО,

который попросил меня написать эту книгу

Первое издание - май 1928 года

Второй тираж - май 1928 года

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Глава I. Необходимость религии в жизни человека	
II. Подчинение личности сущности религии	
III. Необходимость повторного утверждения религии.	
IV. Объективное выражение современной религии	
V. Рамки задачи перед человечеством: мировое благо	
VI. Широкие характеристики мирового блага	
VII. Стабильная утопия не предполагается	
VIII. Открытая конспирация должна быть разнородной	
IX. Силы и противодействия в Великих современных сообществах, преобладающих на данный момент, которые будут противоположны открытой конспирации	
X. Открытая конспирация и противодействия менее индустриально развитых народов	
XI. Противодействия и антагонистические силы в нас самих	
XII. Открытая конспирация должна начитаться как движение пояснения и пропаганды	
XIII. Начальные созидательные работы открытой конспирации	
XIV. Существующие и разрабатываемые движения, с помощью которых открытая конспирация может надеяться на объединение	
XV. Дом творчества, социальная группа и школа: настоящие отходы молодой серьезности	
XVI. Прогрессивное развитие деятельности открытой конспирации в мировом контроле и благе: опасности конфликта	
XVII: Мировое сообщество	
Примечание	

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге описываются наиболее простые основные идеи моей жизни, перспективы моего мира. Все, что является или кажется мне способствующим или иллюстрирующим мои идеи и предположения. В других моих работах, за редким исключением, исследован, испытан, освещен, прокомментирован или описан основной вопрос, который я здесь, наконец, пытаюсь осветить до основания и безошибочно изложить. Это моя религия. Здесь описаны все мои цели и критерии всего, что я делаю.

Поскольку тема этой книги – вся судьба человека, а также все обязательство человека, она непременно будет названа претензионной книгой. Это обвинение слишком очевидное, чтобы ошибиться, и мы можем считать, что он сделан. Но работа о целом жизненном пути не более претенциозна, чем работа над частями и аспектами жизни; это вопрос масштаба и метода; необходимо усилие ума, качество работы, требуемое для составления карты континента, которая может быть хуже, чем требуется при проведении химического анализа мышечного волокна или исследования атомной структуры. Человек не претенциозен, поскольку он работает с теодолитом вместо микроскопа. Некоторые люди работают над более крупными общими вопросами; другие – над более мелкими. Каждому свое. В человеческой мысли иерархия отсутствует.

Здесь представлена приблизительная, с многими очевидными ошибками и пробелам, схема для всего человеческого поведения. В этой книге обсуждается что следует делать человеку и что следует делать людям. В ней изложена общая форма и направление для натиска современных идей и побуждений. Я считаю, что те пункты, которые я очертил, имеют право на обсуждение, при этом мы должны и имеем возможность направить свой талант на всеобъемлющую борьбу против индивидуального и коллективного разочарования и смерти. Я также считаю, что другого направления не существует, но это направление, возникшее раньше, в котором человечество может избежать опасности животного, в настоящее время может деградировать или исчезнуть в игре физических предметов. Я думаю, что нашему виду представилась великолепная возможность. Возможность, а не судьба.

Я подтверждаю свои слова и настаиваю на своем замысле. Я заявляю, это – правда и путь к спасению. Если бы я мог, я бы положил эту книгу перед каждым умом в мире. Я бы сказал им: «Скажи мне, где здесь ошибка или почему ты не живешь по этим принципам».

Я прошу читателя быть терпимым. Это очень важно для него. Моя формулировка, мое мышление может отличаться от его способа мыслить. Простит ли он мне это ради сути, которую я ему предлагаю? Этот вопрос волнует многие умы, при этом группа этих людей увеличивается. Я в большей степени наблюдатель, который отмечает свою собственную приверженность и обращает внимание, с рвением и без усталости, к тому, что происходит и к исполнению нашего настоящего шанса. Попытается ли читатель как минимум понять, перед тем как опровергнуть? В этой книге я

рассматриваю возможность всеобъемлющей и оптимистической революции в делах человека, возможность оживляющей и облагораживающей перемены в наших жизнях. Я рассуждаю о том, должен ли наш вид (в том числе и я, как его составная часть) жить или умереть.

ГЛАВА 1

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕЛИГИИ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Мало людей, если таковые есть вообще, всегда движимы бескорыстными или религиозными мотивами, и в то же время мало людей или вообще никто не испытывает их влияние. Повседневная жизнь большинства людей откровенно лишена религиозного подтекста; кажется, она отличается от жизни животных только масштабом, разнообразием и разумом; они движимы инстинктивными импульсами, своими личными желаниями и целями; они идут от одной радости или разочарования к другой; их привлекают и отклоняют случайные встречи; они более или менее полностью забывают, и начинают снова. Тем не менее, большинство жизней ограничено и определено установившимися понятиями того, что считается благородным и приличным, правильным или ошибочным. Хотя жизни большинства людей не являются ни по существу моральными, ни религиозными, они чтят текущие моральные и религиозные формы и принципы и придерживаются проторенных дорожек. Для них это путь наименьшего сопротивления, и этого достаточно.

В прошлом общины удерживались вместе. Теперь вместе их удерживают законы и моральные кодексы, систематизированные на религиозных идеях, хотя небольшое количество людей имеют более глубокое понимание подобных идей. Религия в своей полноте всегда была специфической особенностью меньшинства; она формировала и возбуждала сообщества, но никогда не пронизывала их. Но, кажется, ее присутствие было необходимостью для коллективной жизни. Без нее моральные принципы были бы безосновательны, а закон – неправомерным. Переменчивая склонность большинства людей к некоему виду праведности, исключаящей эгоистичность, поощрялась со стороны вечного меньшинства искренних и преданных людей, будто это некое вьющееся растение, которое может поддерживаться подпоркой. Эти люди как раз и сохранили бескорыстные стандарты, которые до сих пор оберегают их, которые являлись и продолжают являться «солью» Земли.

Раньше религиозные идеи возникали из разнообразных эмоциональных и интеллектуальных источников в интегрирующем уме человека. Спорные пояснения, метафоры, упроченные использованием в псевдо-фактических утверждениях, фантазии, возникающие из прорастающих и подавленных порывов, ложные аналогии, притчи, порожденные и озаренные вспышками духовного озарения, неправильно осмысленные и искаженные традициями, доктринальные излишества в эксплицитности, вызванные раздражением противоречивой критики, странные компромиссы теологических дипломатов, жаждущих сверхъестественных подтверждений, доказательств, и кошмарных проявлений страха, который преследуют всю сознательную жизнь, сложно вплелись в каждую религиозную материю. Но ценность долговечности религии для сообщества всегда лежала в практическом содействии, которую она предлагает в посвящении себя и достижении

всеобщей приверженности, недостижимой другим способом. Кажется, ни одно сообщество никогда не было сплочено в нравственной и дружной коллективной жизни лишь одним «разумным эгоизмом». Разумный эгоизм в исключительных случаях и под легким или умеренным давлением может породить довольно фальшивую бескорыстность, практически неотличимую от общественной добродетели. При этом значительная масса жизней в каждом сообществе, несомненно, удерживается на том или ином моральном уровне в соответствии с качеством и интенсивностью убеждений, которые объединяют это сообщество с подобным, менее значительным, не объединяя усилий в своей жизни. Но каким-то образом такое сообщество должно яро и искренне поддерживать подобные убеждения. Сообщество, где общие убеждения сошли на нет, походит на здание, чей строительный раствор был заменен песком. Некоторое время оно может простоять, но ненадежно.

В сообществах, в которых мы живем сейчас, наблюдается далеко идущее ослабление и изменение в религиозных убеждениях. Это происходит по причине чудовищного роста знаний, усиленной мощи критики, относительного ослабления власти правительства, которое дало беспрецедентную свободу слова и позволило кристаллизироваться сомнениям во вразумительные и воинствующие опровержения. В то же время произошло развитие механических условий жизни, которые увеличили масштаб возможных операций, проводимых человеком, превратили экономическую жизнь в международную, а также связали когда-то автономные государства и регионы во взаимную реакцию распада частиц. Давление на наши сообщества стало более значительным, чем ранее, а связывающие силы – менее значительными. Поэтому взгляд в будущее перед стартом гонки должен стать более объемным, более неопределенным а, также, гораздо опаснее, чем ранее.

В былые времена в истории каждого сообщества присутствовали стадии морали и религиозного смятения. Убеждения и идеи в отношении примерного поведения в присутствии новых обстоятельств или новых вызовов теряют свою силу или не соответствуют текущим моральным проблемам. Зарождается век релаксации и своего рода экспериментальной греховности. Сомнения исчезают. Вероломство, жестокость, несдержанное потворство желаниям, которое удерживалось под затвором, заметно проявляются. Власть становится более безрассудно смелой, деспотичной и несправедливой, а моральное отличие между правителем и бандитом становится все незаметнее. Кажется, что в человеческой жизни не осталось ни добросовестности, ни сладости души, за исключением примеров самоотверженности. Желание лучшей жизни заявляет о себе в мире ненадолго, так как оно неспособно поглотить беспорядок. Италия в период Макиавелли и Германия после сложных войн Реформации могут служить типичным примером таких «безнравственных» этапов в социальной истории. Хотя в то время не происходило ни изменений к худшему в сердце человек, не наблюдалось внезапного появления вероломных людей. Однако то интеллектуальное смятение разделило и ослабило угрожающе настроенное меньшинство, которое в более выгодных условиях подкрепило бы веру большинства людей и моральные устои каждого. Качество ингредиентов

человеческой смеси осталось тем же, удерживающие и направляющие силы в своем взаимодействии вступили на этап взаимной нейтрализации и коллективной бездейственности.

В значительной части мира присутствуют знаки, указывающие на сдвиг в направлении такого дезинтегративного и мучительного этапа. Бандит, босс и авантюрист становятся необычайно успешными и неуязвимыми. Люди, которые в другие времена были бы активными и уверенными в своей жизни и решительно готовы участвовать в контроле общественных вопросов, неуверенны в глубине души и недовольны своим положением. Старые убеждения становятся неубедительными, необоснованными и неискренними, но появляется четкий признак присутствия нового убеждения в мире, которое все еще ожидает своего воплощения в формуле и организациях, которые помогут вступить в эффективную реакцию с общественными вопросами в целом.

Настоящее эссе – это попытка собрать эти признаки в форму, которая будет служить практической инструкцией в жизни автора и читателя.

ГЛАВА II ПОДЧИНЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СУЩНОСТИ РЕЛИГИИ

Религии, которые до настоящего времени служили в больших регионах и в течение значительных периодов времени для удержания людей в более или менее упорядоченных, честных, благопристойных и прогрессивных обществах, были представлены большинству и приняты большинством в чрезвычайно утонченных формах. У своих истоков они все были сильны и бескомпромиссны. Христианство, например, начиналось с полнейшего коммунизма, буддизм – с полного отказа от земного желаяния, ислам – со страстного и принудительного посвящения Аллаху. Однако, в конце концов, миссионер смирился с человеческой слабостью и заключил сделку с более дешевой формой обычного новообращенного.

Хотя мировоззрение и практика могли требовать смягчения и приспособления к обычному человечеству, до того как они будут повсюду приняты, в процессе между глубокой и поверхностной формой появлялся несерьезный конфликт. Обычный человек соглашался со всем в доктрине, и только лишь просил оттянуть или смягчить более тяжкие и обременительные условия. Его просьба о личном недостатке – слабость, а не инакомыслие.

В своей полноте, в своих изотерических формах, в жизни, которая была профессионально *религиозной*, религии всегда требовали глубокого подчинения личности. В этом заключалась их творческая практичность. Не существует такой вещи как замкнутая религия, частная религия. Определенные формы протестантства и некоторые мистические типы приблизились к тому, чтобы сделать религию изолированным дуэтом между человеком и его божеством, но тут он может рассматриваться как искажение духовного порыва. Как обычный сексуальный комплекс пробуждает и выводит из человека его эгоизм, также и обычный духовный процесс выводит из человека его эгоизм для служения сообществу. Это не является сделкой, «социальным контрактом» между человеком и сообществом; это подчинение существующего человека, и существующего сообщества в отношении чего-либо: божества, божественного порядка, стандарта, добродетельности. То, что называется во фразеологии определенных религий «осознание греха» и «полет из мира безбожников» – известные примеры этой ссылки эгоцентричного человека и текущей социальной жизни на что-то гораздо лучшее, чем либо один, либо другой.

Это – третий элемент в религиозных отношениях, надежда, обещание, цель, которая не только отвращает новообращенного от самого себя, но и от «мира», как такового, в сторону лучших вещей. Сначала приходит самоотверженность, затем служение, а потом этот реконструктивный творческий порыв.

Для того меньшинства умов, о которых я уже говорил как о соли Земли, этот аспект религии кажется ее основным достоинством. Нужно помнить, что человечество нуждается в религии. Религия никогда не преследовала ярых

приверженцев; они приходили сами. Желание посвятить себя чему-то более значащему, чем повседневная жизнь, и отдать себя добровольно, является четким признаком в этом меньшинстве и прослеживается в неисчислимой пропорции большинства.

ГЛАВА III НЕОБХОДИМОСТЬ В ПОВТОРНОМ УТВЕРЖДЕНИИ РЕЛИГИИ

Каждая великая религия поясняет себя в форме истории и космогонии. Она чувствует необходимость сказать *Почему* и *С какой целью*. Каждая религия обязательно должна была принять физические концепции и также обычно принимала многие моральные и социальные ценности, существовавшие на момент ее основания. Она могла не выходить за рамки философских фраз и позиций, которые, как казалось тогда, несли естественные рамки веры, ни черпать что-либо из научного багажа своего времени. В этих условиях спряталось семя абсолютного ослабления и замены каждой религии.

Но поскольку идея постоянной смены от существующих реалий становится все далее и далее и никогда не возвращается к ним как новая, каждое новое развитие религии в мире объявляется идеальной добродетелью, как кульминационная и окончательная правда. Предположение о возможности дальнейшего утверждения – тревожно; оно подрывает убеждение и нарушает строй верующих, поскольку в возможностях людей существует бесконечное число вариаций признания одного и того же духа в разных формах. Тогда как одни умы могут признать одного Бога под разными именами и символами без серьезных искажений, другие даже не могут отличить наиболее отличительного Бога от других, поскольку они носят одну маску и титул. Во многие умы приходит довольно естественная и обоснованная мысль повторно утвердить религию в аспекте биологической и физиологической необходимости, тогда как для других какие-либо изменения в формулировке веры кажутся ничем иным как атеистическими искажениями наиболее отвратительного вида. Для них Бог является достаточно человекоподобным, чтобы иметь волю и цель, выразить предпочтения и обмениваться эмоциями, быть фактически человеком, и должен быть сохранен до конца дней. Для других Бог может представлять Великую первопричину, как обезличенная и нечеловеческая атомная структура.

Это произошло по причине исторических и философских обязательств, которые они на себя взяли, а также по причине уступок, сделанных общим человеческим слабостям в отношении таких когда-то явно вторичных, но теперь жизненно важных моральных вопросов, таких как имущество, умственная деятельность и общественная правда нежели какое-либо несоответствие в их адаптации к физиологическим потребностям. В связи с этим возникло настоящее сомнение в признанных религиях. Они больше не кажутся даже приблизительно правдивыми, и они не предоставляют норм в некоторых сферах поведения, где преимущественно встречаются трудности. Люди скажут: «Я мог быть совершенно счастливым, ведя жизнь католического приверженца, если бы я только мог поверить». Но большинство основ религиозных толкований, на которых держится эта

жизнь, слишком старомодны и неуместны, чтобы признать доскональность убеждения, необходимого для веры разумных людей.

Большую находчивость показали современные писатели и мыслители в адаптации почитаемых религиозных изречений в новые идеи. *Грешен*. Слово «Бог» в большинстве умов ассоциируется с концепцией религии, от которой отказываются с большой неохотой. Слово остается, хотя идея постоянно сходит на нет. Он отталкивается от реальности дальше и дальше и Его определение все более становится пучком отрицаний, пока, наконец, в Его роли Абсолюта Он не становится полностью отрицательным выражением. Поскольку мы можем говорить о благе, мы можем говорить о Боге. Бог – вероятность добродетели, хорошая сторона вещей. Если упустить фразы, где используется имя Бога, они считают, что религия останется безмолвной во многих случаях.

Определенно, что-то существует кроме человека и мира; на этом мы уже настаивали, как на характеристике всех религий; это убеждение является сущностью веры и ключом к бесстрашию. Но если это подлежит рассмотрению, даже после наиболее активных занятий по персонификации, как великую или универсальную личность – это другой вопрос. Личность – последний пережиток антропоморфизма. Современное стремление к однозначной правде против таких уступок традиционному выражению. С другой стороны во многих тонких религиозных умах присутствует желание, доходящее до потребности в объекте поклонения, таком персонализированном, на которое способно восприимчивое сознание, даже если четкий ответ не последует. Один тип ума способен принять реальность в себе, которую другой должен спроецировать и драматизировать перед тем, как он сможет осмыслить ее и реагировать на нее. Человеческая душа – запутанная штука, которая не вынесет толкований, когда пройдет определенную ступень грубости и жесткости. Человеческий дух научился любви, преданности, послушанию и смирению в отношении других личностей, и он с трудом предпринимает последний шаг к совершенному подчинению, от которого обнажается последний кусочек индивидуальности. В вопросах, необязательно материальных, в языке необходимо использовать метафоры, и хотя они несут за собой особый риск спутанности, мы не можем без них обойтись. Необходима огромная умственная терпимость, а поэтому и выработанная склонность для перевода одной метафизической или эмоциональной идиомы в другую – если не происходит прискорбное расходование моральной силы в нашем мире.

Три огромных различия между душевными настроениями настоящего времени и настроениями прошлых веков должны быть реализованы, если современные тенденции религиозной мотивации будут рассматриваться в правильном отношении к религиозной жизни прошлого. Произошел значительный прорыв в анализе внутренних процессов и стойкость, с которой люди рассматривали истоки человеческой мысли и чувства. Следом за биологическими прорывами, которые заставили нас признать присутствие признаков рыб и амфибий в строении тела человека, пришли эти параллельные разработки, в которых мы видим элементарный страх, страсть и эгоизм сформированными, измененными и возвышенными под влиянием

социального прогресса в запутанные человеческие мотивы. Наша концепция греха и наше толкование греха претерпели значительные изменения посредством этого анализа. Наши прошлые грехи рассматриваются как неведение, неадекватность и плохие привычки, а у морального конфликта отнято три четвертых его эгоцентрического мелодраматического качества. Мы больше не движимы быть менее грешными; нас тянет к организации наших условных рефлексов и ведению жизни менее фрагментарно и глупо.

Во-вторых, концепция индивидуальности находилась под воздействием биологической мысли так, что мы не думаем с такой готовностью о личности *contra mundum*, как это делали наши отцы. Мы начинаем осознавать, что мы эгоисты в превратном понимании. Природа обманывает личность для служения целям вида, наполняя ее потребностями, которые противостоят ее личным интересам. По мере того как мы открываем глаза на эти вещи, мы видим себя как существ более великих или менее, чем определенная личность. Душа человека больше не является его собственной. Он открывает ее для себя, она – часть более великого существа, которое жило до его рождения и спасет его. Идея спасения определенной личности со всеми особенностями его характера полностью растворяется в этом новой взгляде на бессмертие.

Третьей основной разницей между современным и прошлым мышлением, которое отражает общие формы установившейся религии, – переориентация текущего представления о времени. Сильная склонность человеческого ума пояснять все как неизбежное разворачивание прошлого события, которое, так сказать, безнадежно сметает будущее до того, была проверена массой тонкой критики. Концепция прогресса, как расширяющая и повышающая цель, концепция, которая овладевает человеческим воображением все более сильно поворачивает религиозную жизнь в сторону будущего. Мы больше не думаем о подчинении безоговорочным указаниям абсолютной силы, а об участии в испытаниях от имени власти, которая набирает силу и занимает прочную позицию. История нашего мира, которая была раскрыта нам наукой, идет в разрез со всеми историями, на которых основываются религии. Мы начинаем осознавать, что в прошлом не было Сотворения мира, но все же оно произошло; не было Грехопадения в смысле конфликта добра и зла, а был буйный подъем. Жизнь в своем привычном нам виде является всего лишь началом.

Кажется неизбежным, что если религия стремится получить комплексную и директивную власть в настоящем смятении людских дел, она должна адаптироваться к дальновидному, анализирующему индивидуальность складу ума; она должна избавиться от своих священных историй, грубых предрассудков и посмертного продолжения. Желание служения, подчинения, постоянного влияния, бегства от многострадальной ничтожности и смертности – основополагающий элемент каждой религиозной системы. Пришло время лишить религию этого элемента, лишить во имя великих задач, с которыми она еще не сталкивалась. Истории и символы, которые служили нашим отцам, путают и разделяют нас. Таинства и ритуалы скрывают конфликт и растрачивают наши и без того скудные эмоции. Пояснение причины существования вещей – ненужные усилия в религии.

Существенным обстоятельством в религии является жажда религии, а не то, как она возникла. Если Вы не жаждете религии, то ни убеждение, ни заверение о вашем месте во вселенной не могут дать Вам ее. Первым предложением в современном вероучении должно быть не «Я верю», а «Я отдаю себя».

Чему? И как? К этим вопросам мы должны обратиться далее.

ГЛАВА 4

ОБЪЕКТИВНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИИ

Посвящение себя религии – это длительный процесс, выражающийся в серии действий. Ничем другим это быть не может. Вы не можете посвятить себя религии и затем уйти в сторону и начать жить, как раньше. Плохой пародией на религиозность будет то, что не приводит к существенным изменениям в жизни, включающей в себя религию. Но в установленных и древних религиях человека, подобное изменение поведения подразумевало в большей степени – подавление своих интересов в угоду Бога или Богов или умерщвление собственной плоти ради морального усовершенствования самого себя. Христианская вера, например, на своей ранней стадии, прежде чем отшельническая жизнь уступила место организованной монашеской жизни, не в коей мере не была направлена на услужение, за исключением духовной службы других людей. Но так как Христианство стало решающей силой социальной организации, оно приняло форму целого ряда действий, направленных на лечение, утешение, помощь, обучение, а также производственную деятельность. Современная тенденция была и остается направлена на минимизацию того, что можно назвать верой, обращенной внутрь себя или на самоподчинение, а также на расширение и развитие внешних признаков услужения. Идея внутреннего совершенствования покоится на все меньшей важности, которая придается отдельному индивидууму. Мы прекращаем думать об умерщвлении плоти, экзальтации или самосовершенствовании и стараемся пожертвовать собой ради жизни.

Мы все меньше и меньше думаем о «победе» над собой и все больше о том, как убежать от самого себя. Если мы пытаемся сделать себя лучше в каком-то плане, это больше похоже на то, как солдат точит и полирует свое главное оружие.

Наше ускоренное осознание продолжающихся изменений, наше более широкое и полное представление об истории жизни освобождают наши

умы от многих ограничений, наложенных на воображение наших предшественников. Многие из того, что они представляли установленным и окончательно решенным, мы видим, как проходящее и регулируемое. Они видели жизнь закрепленной в ее подвигах и проходящей согласно необратимым законам. Мы не видим жизнь в постоянной борьбе, боясь проиграть, но в то же время накапливая успех, в борьбе за свободу и власть против ограничений и смерти. Мы видим, как жизнь приходит, наконец, к нашему человеческому уровню, трагичному и полному надежд. Определенные большие возможности и определенные большие проблемы, как мы понимаем, встают сегодня перед человечеством. Они определяют наше существование. Практический аспект, материальная форма, воплощение совершенного религиозного импульса направляют всю жизнь к решению этих проблем и к реализации этих возможностей.

Современная религиозная жизнь, как все формы религиозной жизни, должна обладать своими собственными формами утонченной и глубокой внутренней деятельности, своими формами медитации, своим внутренним противостоянием, своими периодами стресса, поиска и привлекательности, своими периодами смены настроений от грусти к мольбе, но эти внутренние аспекты не входят в круг вопросов данного исследования, которое интересуется лишь внешней формой, направлением и организацией современной религиозной мысли, предметом чего, при наличии религиозного чувства, мы и должны заняться и установить, как это делается.

Теперь, когда современное представление о жизни стало ясным, определенные обширные возможности и определенные большие опасности также стали ясны. Они предоставляют совершенно новый образ и представление о моральной жизни. В установленном и ограниченном мировоззрении прошлого, практические виды правильной работы принимали форму, главным образом, полумер, направленных против зла, которое рассматривалось, как неизлечимое зло; религиозные сообщества выхаживали больных, кормили голодных, предоставляли убежища для беглецов и молили властьпридержащих о пощаде и милости. Они не мечтали о предотвращении болезни, голода или тирании. Отрешенность была их готовым рецептом бегства от всепобеждающего зла и путаницы в существующем порядке вещей. Теперь возможно представить себе причину человеческих взаимоотношений, из которых эти элементы зла в большей степени или полностью устранены. Все больше и больше людей начинают

осознавать, что подобная причина кроется в материальных возможностях. И с осознанием того, что это материальная возможность, мы не можем дольше удовлетворяться нашими хорошими делами и правильными действиями, ограниченными полумерами и утешительной благотворительностью. Такие меры – это всего лишь «первая помощь». Религиозное сознание становится смелее, чем оно было когда – либо ранее. Оно пробивается через занавес, который когда – то казался барьером. Оно понимает свои большие обязанности перед обществом. Путь, по которому наши дела ведут к реализации этого, предположительно лучшего порядка в человеческом обществе, и становится новым критерием поведения.

Реализация этого возможного лучшего порядка требует определенных необходимых достижений. Невозможно для любого ясно мыслящего человека предположить, что еще более разрушительные нелепости войны могут быть выведены за рамки человеческих отношений до тех пор, пока какой – то общий политический контроль не будет установлен на земле. И при условии, что определенное давление, возникающее в результате роста населения, а также увеличения объема человеческой деятельности или в результате противостояния уровней и традиций жизни, будет снято. Дабы избежать кажущихся положительными отрицательных сторон войны и достичь нового уровня процветания и власти, которые в настоящее время становятся явными, требуется эффективный мировой контроль не только над вооруженными силами, но и над производством и над основными передвижениями главных предметов торговли, а также над передвижением и ростом населения. Абсурдно мечтать о мире и моровом прогрессе без подобного контроля. Если обеспечить подобные вещи, то способности и энергия значительно увеличившегося количества народонаселения могли бы быть обращены в приносящую радость научную деятельность и расширение человеческих способностей. Такое движение вперед в жизни человека, что является первым шагом мощного продолжительного прогресса, прогресса, который не имеет границ, в настоящее время материально осуществим. Человечеству такая возможность предложена. Но нет никакой уверенности или материальной необходимости того, что этот шаг будет сделан. Человечество не сделает его случайно, ненароком. Он может быть сделан только путем такой организации воли и энергии, которых этот мир не видел ранее.

Таковы те новые условия, которые раскрываются перед более прозорливыми умами нашего поколения и которые станут нашей

главной умственной платформой, по мере того, как установится современная интерпретация истории жизни и материальных, и умственных способностей. Пагубное политико-социальное и экономическое использование и организация могут показаться громоздкими, но они ни в коем случае непостоянны или неуправляемы. Их, однако, можно контролировать только усилием более мощным и решительным, чем те инстинкты и инерция, которые их поддерживают. Религия, современная и без иллюзий видит своей первоочередной задачей необходимость заняться контролем и направлением политической, социальной и экономической жизнью, или в противном случае признать себя лишь лекарством для облегчения дискомфорта. Может ли она (религия) или не может синтезировать необходимое усилие, чтобы вырвать человечество из клубка наших современных беспорядков, низости, отчаяния и бесцельности. Для того чтобы подняться до уровня относительной безопасности, накопления знаний, систематического и непрерывного роста мощи и всеобъемлющей глубокой радости жизни, полной надежды и процветания?

Наш ответ - да, может. Предметом нашего исследования теперь становится установление того, какова же необходимая начальная стадия синтеза этих усилий. Здесь мы обращаемся к тем, кто верит, что это возможно и кто уже осознал подтекст мировой истории и современной научной мысли.

ГЛАВА V РАМКИ ЗАДАЧИ ПЕРЕД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ: ВСЕМИРНОЕ БЛАГО

Перед тем как рассмотреть формы и методы выполнения неизбежной задачи, которую глубокомысленное меньшинство человечества должно принять, было бы хорошо очертить основные линии и попытаться измерить масштабность задачи. Каковы новые формы, которые навязываются человечеству, и должны ли они исходить из текущих форм или накладываться на них? И какое сопротивление, активное или пассивное, необходимо преодолеть для этого?

В ходе жизни паузы для замены быть не может. День должен следовать за днем, а обычная деятельность продолжаться. Новый мир, как концепция непрерывности, должен возникать из старого.

На данный момент наиболее всеобъемлющая концепция этого нового мира – концепция политически, социально и экономически объединенного мира. В эти рамки попадают все другие идеи нашего прогрессивного стремления. С этой целью небольшое, но увеличивающееся объединение людей в мире пытаются руководить их жизнями. И все же в настоящее время

многие воспринимают это как возможность, хотя и не *осмеливаются* желать этого по причине огромных возникающих трудностей и в связи с тем, что они пока не видят пути преодоления этих трудностей. Значительное большинство людей все еще вынуждено видеть испытание человека как одно целое; они одержимы постоянностью и завершенностью в принятых вещах; они воспринимают текущую реальность как окончательную. Они воспринимают мир только таким, каким видят его они сами. Но эта книга написана для людей, имеющих современный ход мысли, а которые не могут думать о мире как о безопасном и полном довольства, пока существует единое всемирное благо, предотвращающее войны и контролирующее те моральные, биологические и экономические силы, которые в противном случае привели бы к войнам.

Похоже, метод управления таким всемирным благом не заключается в подражании методам существующих суверенных государств. Это будет новый вид управления с новой философией. Потребность в Президенте или Короле для управления сгруппированными массами человечества невелика по причине отсутствия войн, отсутствия необходимости в каком-либо лидере, чтобы вести толпы куда-либо, а в многоязычном мире парламент человечества – немыслимый инструмент управления. Основной организацией современных государств все еще открыто является армия, а такой всемирная организация точно не должна быть. Флаги, униформы, национальные гимны, патриотизм, старательно культивируемые в церкви и школе, самонадеянность и хвастовство наших конкурирующих суверенитетов относятся к этапу развития, который мы бы отменили. Обоснованное желание всех нас заключается в том, что коллективными делами должны управлять надлежащим образом подготовленные группы наиболее заинтересованных, образованных и преданных людей, и что их деятельность должна подлежать свободной, открытой, осторожной критике, неспособной совершать судорожные вмешательства, но достаточно сильной для изменения или отмены без спешки или задержки чего-либо ослабляющего или неудовлетворительного в общем управлении.

Движение мира в направлении замены, расширения или интеграции существующих политических, экономических и социальных институтов, по мере роста, должно обязательно приближаться вплотную к вопросам практического контроля. В своем росте это движение, вероятно, должно привлекать множество активных чиновников, а также большое количество промышленных и финансовых лидеров и директоров. Оно также может ассимилировать значительное количество интеллектуальных работников. По мере расширения оно разработает целую систему особых методов сотрудничества. В ходе роста оно научится и расширять общее управление, и управлять своей критической функцией. Движение, рассматриваемое нами, в силу своей природы будет направлено не столько на установление мирового правления, а станет мировым правлением, а по мере наращивания опыта и приобретения власти и ответственности образовательные и активные формы его начального этапа постепенно положат начало формам управления, исследования, и корректирования.

Модернизация религиозного влечения непосредственно подводит нас к попытке для основания мировой державы, как долгу. А детальное рассмотрение необходимой организации этой попытки дает читателю понять, что движение, направленное на установление мирового правления, хоть и ограниченного по количеству и силе, должно либо рассмотреть перспективу частичного или полного развития в мировое правление и путем ассимиляции полностью в современное всемирное сообщество, либо признать тщетность, дилетантство своих действий.

ГЛАВА VI ШИРОКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИРОВОГО БЛАГА

Продолжая наше исследование практической задачи, стоящей перед современным умом, далее мы можем очертить основные линии современного стремления в рамках настоящего всестороннего описания мирового блага. Любой вид унификации людских дел не будет служить целям, преследуемым нами, нам необходим конкретный вид унификации; с точки зрения прогрессивных взглядов мир Цезаря навряд ли лучше, чем мир хаоса; единство, которого мы пытаемся достичь, должно означать освобождение человеческой мысли, эксперимент и созидательную активность. Успешная конспирация только для захвата государств, обладания и удерживания всемирной власти в лучшем случае станет пустой оболочкой успеха, она может стать прямой противоположностью успеха. Освобождение от угрозы войны и международных экономических конфликтов является напрасным, если оно требует в качестве своей цены потерю всех других свобод.

Это происходит по причине того, что мы хотим унификации управления человечеством, не просто ради единства, а как средства, используемого в определенных целях, необходимого любой ценой – в промедлении, в утрате эффективной силы, в стратегических или тактических неблагоприятных условиях. Свет свободной, обильной критики должен играть на этом унифицированном управлении, а также на движениях и организациях, ведущих к установлению такого унифицированного управления.

Человек – несовершенное животное и не заслуживает доверия при неимении полного представления о нем. Ни морально, ни интеллектуально он не является безопасным. Те из нас, кто уже немолод, знают, насколько мало мы можем себе доверять, и радуемся, когда нас проверяют, ведь мы защищены чувством контроля. По этой причине в стремлении сделать мир лучше нужно отказаться от преимуществ секретных методов или тактического лицемерия. Следует оставить это его противникам. Мы должны заявить о нашей цели с самого начала, чтобы не возникло неправильного представления.

Заговор современной религии против официальных мировых институтов должен быть открытым; в противном случае не может оставаться оправданным. Он потерпит неудачу, если уйдет в тень. Каждый шаг к мировому единству необходимо делать при свете дня, иначе подобное единства, которое будет достигнуто, едва ли стоит победы. Выполнение

основной задачи необходимо будет возобновить в настоящих рамках достигнутого единства.

Эта искренняя попытка захватить мир должна быть сделана во имя науки и творческого поиска. Необходимо дать свободу науке и творческим возможностям, а каждый этап в борьбе нужно наблюдать и критиковать, чтобы не принести в жертву эти цели необходимости конфликта.

Безопасность творческого прогресса и творческой деятельности предполагает компетентное регулирование экономической жизни в коллективных интересах. Всем должна быть доступна еда, приют и досуг. Необходимо обеспечить основные потребности животной жизни, прежде чем зажить человеческой жизнью. Не хлебом единым жив человек; он ест - и тогда он может учиться и развлекаться, но если он не ест, то не может отвлечься на какое-либо занятие. Его жизнь, главным образом, является экономической, так же как и дом – это, главным образом, фундамент, а экономическая справедливость и эффективность должны лежать в основе всех других видов деятельности, но судить о человеческом обществе и организовывать политическую и социальную деятельность исключительно на экономической основе значит забыть цели кампании жизни, занимаясь одними лишь припасами.

Правда, что человек, как и животный мир в целом, из которого он походит, - создание борьбы за средства к существованию, но в отличие от животных человек может прибегнуть к методам ухода от конкурентного давления посредством существования, которое являлось участием любого другого вида животных. Он может сдерживать рост своей численности и, кажется, способен на все еще довольно неопределенное увеличение своей производительности на голову населения. В связи с этим он может уйти от борьбы за средства к выживанию с оставшимся избытком энергии, такой которой ни один другой вид животных никогда не обладал. Разумный контроль населения – возможность, которая ставит человека за рамки конкурирующих процессов, которые до сих пор управляли изменением вида, и никак иначе он не может быть освобожден от этих процессов.

Существует призрачная надежда, что позже целенаправленный подбор будет ему подвластен, но это выходит за рамки его настоящей сферы практических достижений, и нам больше нет необходимости обсуждать это далее. Здесь нам достаточно того, что мировому сообществу наших желаний, организованному мировому сообществу, ведущему и обеспечивающему свой собственный прогресс, необходим коллективный контроль населения, как первостепенное условие.

Отсутствует сильное инстинктивное желание в многочисленном потомстве, и по этой причине в женской косметике. Репродуктивные порывы действуют косвенно. Природа гарантирует давление населения посредством страстей и инстинктов, которые при наличии достаточных знаний, интеллекта и свободы со стороны женщин, могут быть удовлетворены и успокоены, в случае необходимости, без производства на свет многочисленных детей. В мире ясного представления и открытой практики в этих вопросах незначительные изменения в социальной и экономической деятельности обеспечат достаточную мотивацию или отрицательное

воздействие в отношении рождаемости или рождаемости особых типов, которые директивный дух сообщества может считать желательными. Пока большинство людей невольно рождаются в страсти и невежестве, человек будет оставаться, как и любое другое животное, под давлением соревнования за средства к существованию. Социальные и политические процессы полностью изменят свой характер, когда мы признаем возможность и практичность этой фундаментальной революции в человеческой биологии.

В освобожденном таким образом мире производство предметов первой необходимости представляет ряд проблем, хотя и менее сложных, чем проблемы, связанные с борьбой за собственность и потворство своим желаниям со стороны успешных и за работу и скудные средства к существованию со стороны масс. При необузданном росте населения в качестве цели экономического процесса на уровне полуголодного существования не было практической альтернативы равенству кроме как такое неравенство экономических условий, которое позволит меньшинству поддерживать более высокий стандарт жизни путем удержания хоть какого-то излишка производства, который она смогла захватить, от потребления простыми пролетариями. В прошлом и настоящем то, что называется капиталистической системой (иными словами, несистематическое использование продукции частными собственниками под защитой закона), в целом, несмотря на опрометчивость и конфликт, успешно функционировало посредством контроля тяготения к универсальному низкокачественному потреблению, которое было бы неизбежным исходом социализма без учета биологических процессов. При сдерживании роста численности населения перед человечеством, тем не менее, открываются совершенно новые возможности.

Тревожащим недостатком экономической науки, как традиционной, так и нетрадиционной, был недостаток начальной стадии с текущей практикой и текущими убеждениями, с вопросами зарплат, цен, ценностей и собственности, когда более серьезные вопросы ассоциации людей не могут быть выявлены на этих уровнях вообще. Важнейшими вопросами ассоциации людей являются биологические и психологические, а основами экономики являются задачи в прикладной физике и химии. Первое, что нам следует рассмотреть, это то, что мы хотим делать с природными ресурсами, а потом - способ убеждения людей выполнять необходимое как можно более приятно и эффективно. Затем нас следует определить стандарт, по которому мы будем судить сегодняшние методы.

Но академические экономисты (а Маркс и его последователи - еще в большей степени) отказываются заниматься этими основными положениями и рациональной практической мудростью, настаивают на слепом принятии их доводов в отношении обычного антагонизма работодателей и работников и бесконечной болтовни о прибылях и зарплатах. Собственность и экспроприированный труд – единственный комплект из многих возможных наборов экономического метода.

Однако экономисты будут рассматривать серьезно только этот комплект (остальные они игнорируют), а марксисты со своей неконтролируемой склонностью использовать прозвища вместо взглядов,

называют все другие «Утопическими» - слово, категоричное в своем отказе от умов избранников, как и другой коммунистический заменитель для мысли «Буржуазные». Если они способны себя убедить в том, что идея или утверждение «утопическая» или «буржуазная», кажется, им не важно верны ли они или ошибочны. От них избавляются. Точно также как в более благородных кругах отказываются от того, на что можно повесить ярлык «атеистический», «гибельный» или «предательский».

Если бы полтора столетия назад мир передал свои проблемы, связанные с транспортом, экономистам, они отложили бы их в стороны, потратив как можно меньше усилий и чернил. Все говорили о железных дорогах, автомобилях, пароходах и аэропланах, и обвиненные в легком чувстве сумасбродства взяли за длинные невралгические диссертации, обсуждения и соглашения в отношении автодорог и методов их соединения, магистральных шлагбаумов, каналов, влияния сборов на барочников, приливно-отливных зон, якорных стоянок, избыточной грузоподъемности, контейнерах, караванах, ручных тележек и пешеходов. Произошло бы резкое и простое разграничение в ощущениях и потребностях между владеющим лошадью меньшинством и пешеходным большинством; несправедливость последнего терзала бы ум каждого философа, кто не умел ездить, и минимизирована каждым философом, который мог, и произошел бы широкий разлом между школой узкой дорожки, школой, отрицающей дорожку, и школой, которая бы смотрела вперед во времена, когда каждая лошадь должна двигаться по одной универсальной дорожке под диктатурой пешеходов. Все с самой глубокой важностью и достоинством. Эти вещи, дорожки, дороги и каналы с их движением были «реальными» и «утопическими» проектами для движения тридцать-сорок миль в часть в гору и против ветра и прилива, оставив в покое более невероятное предложение о воздушном транспорте, были бы высмеяны. Жизнь ходила на своих ногах с определенной помощью колес, или была на плаву, гребла и неслась ветром по воде; так было – и так было бы всегда.

Но поскольку это извечное занятие с распределением долей изобретателей, организаторов, рабочих, владельцев материалов, кредитных агентов и сборщиков налогов в совокупном продукте прекращает являться первичным вопросом в экономике, поскольку мы освобождаем наши мысли от занятия, которое с самого начала обязательно превращает науку в спор, и мы начинаем свою атаку на предмет с изучения машинного оборудования и других основных производственных фондов, необходимых для удовлетворения основных нужд человечества, если мы продолжим далее рассматривать способ, посредством которого все эти фонды и оборудование можно использовать, а продукт распределить с наименьшими трудозатратами и максимально возможным удовлетворением, мы изменим нашу трактовку экономических вопросов в сторону стандартов, по которым можно судить, нежели спорить, про все текущие методы эксплуатации, занятости и финансирования. Мы можем упустить вопрос претензий такого или другого рода участника, рассмотрев его позже, и изучить каждый вид человеческой помощи в общем усилии с точки зрения того, что делает такую помощь менее затруднительной, но более эффективной.

Ростки такой научной экономики существуют уже в учении промышленной организации и промышленной психологии. Поскольку наука промышленной психологии развивается, мы считаем всю эту дискуссию о собственности, прибыли, зарплатах, финансах и накоплении, которые до сих пор рассматривались как первичные вопросы экономики, занимающей свое место в отношении условий в этих вопросах, системы денежных средств и концепций собственности, дает наибольший стимул и наибольшие противоречия во всемирной системе сотрудничества, которая должна составлять экономическую основу деятельности объединенного человечества.

Очевидно, что высшее управление комплексом человеческой экономической деятельности в таком мире должно опираться на информационное и консультационное управление, которое принимает во внимание все ресурсы планеты, оценит текущие нужды; распределит производственную деятельность и проконтролирует размещение. Топографические и геологические исследования современных цивилизованных сообществ, их карты государств, их периодический выпуск сельскохозяйственной и промышленной статистики – первые сырые и несоординированные истоки экономической мировой разведки. В пропагандистской работе Дэвида Любина, пионер, которого человечество не должно забыть, и в его Международном Институте Сельского Хозяйства в Риме месяц за месяц и год за годом формировались истоки взгляда на мировые потребности и мировой транспорт. Такая отличная организация экономической науки обязательно создаст руководство; она укажет, что необходимо сделать тут и повсюду, распутает клубки, исследует, утвердит, инициирует новые методы и организует переходной процесс от старых к новым. Она не будет являться организацией, навязывающей свою волю на сопротивляющийся или непокорный народ; она только покажет направление, как карта. Карта никому не навязывает свою волю, никого не заставляет принять свою «политику». Но мы все же придерживаемся карты.

Желание иметь карту, полную, точную и новейшую, а также решение придерживаться ее указаний должно распространиться на все сообщество. Одобрять и поддерживать, что воля должна быть задачей не какой-либо социальной или экономической группы сообщества, а всех религиозных людей в этом сообществе. Поэтому организация и сохранение силы воли – первичная задача всемирной революции, направленной на мир во вселенной, благополучие и счастье.

Более ранняя и все еще преобладающая концепция управления – агрессивная, вторжение и подчинение «субъекта» Богу, Королю или Властителю сообщества. Подчинение воли, ослабление непокорных – основополагающий процесс в установлении примитивных обществ, и ее традиции все еще имеют влияние на наше образование и закон. Без сомнений, необходимо применение нормальной человеческой воли к каждой форме общества; ни один человек не является безукоризненно добродетельным; но принуждение и стеснение – трение социальной машины, менее принудительные социальные условия принимаются сообществом более охотно, естественно и легко с меньшими моральными потерями.

Идеальное государство – государство с минимально возможной борьбой за волю и подавлением воли. Это должно быть основным критерием в определении экономической, биологической и интеллектуальной организации мирового сообщества, которое является нашей целью.

Мы считаем, что контроль перенаселенности практичен без какого-либо жестокого конфликта с «человеческой природой», при наличии надлежащей атмосферы знаний и намерений, требуется намного меньше давления на волю в отношении производства, чем есть на данный момент. Таким же образом можно сделать общую экономическую жизнь человечества удовлетворительной; возможен больший, чем существующий, объем поставок вещей, необходимых для благополучия, свободы и деятельности человека, при безгранично меньшем подчинении и порабощении, чем это происходит сейчас. Но все же человек наполовину рожден вне слепой борьбы за существование и его природа все еще принимает безграничное расточительство своей Матушки-природы. Ему все еще приходится учиться оценивать товары, которых он жаждет в жизни. На самом деле он только начинает осознавать, чему ему необходимо научиться. В своих текущих экономических методах он непомерно растрчивает волю и человеческие возможности.

Мы знаем, что девятнадцатый век потратил колоссальный интеллект на бесплодные споры между Индивидуализмом и Социализмом. Они рассматривались как взаимоисключающие альтернативы вместо того, чтобы быть вопросом точки зрения. Человеческое общество было, является и всегда должно быть сложной системой корректировок между безусловной свободой и дисциплиной, подчинением общего дела. Переход от более индивидуалистического к более социалистическому государству или обратно просто не происходит; здесь может возникнуть индивидуальная инициатива, а там - растущие стандартизация или ограничение. Личная собственность никогда не может быть социально гарантирована или неограниченна в действиях и масштабе, как бы желали крайние индивидуалисты, она также не может быть «упразднена», как предлагали крайние социалисты. Собственность – это не грабеж, как утверждал Прудон; это защита имущества от беспорядочного и, главным образом, расточительного использования. В некоторых случаях можно ограничивать или запрещать использование имущества, что было бы в целом полезно, использование может быть, а часто и бывает несправедливым в своем назначении инициативы, но мерой против этого не является упразднение, а пересмотр имущества. В действительности, это форма, необходимая для свободы действий, хотя изымается в виде денег, которая ликвидировала обобщенную форму собственности, это – билет для личной свободы передвижения и индивидуальный выбор вознаграждения.

Экономическая история человечества – это история существования концепции имущества; она касается конфликта неограниченной жажды наживы эгоистичных индивидов против негодования лишенных наследства и неуспешных, а также значительно менее эффективного осознания всеобщего блага. Деньги вышли за рамки системы соглашений и подвержены многообразию ограничений, монополизаций и предписаний. В то же время

они никогда не являлись логическим элементом и позволяли проводить обширное и сложное развитие кредита, долга и отчуждения. Это развитие принесло с собой характеристические формы злоупотребления и коррупции. История запутана, а переплетение отношений зависимости, давления, преграждения, неправильно адресованных услуг, деструктивных препятствий и сокрушительных обязанностей, в котором мы сегодня живем, не принимает таких простых и общих решений, которые многие сторонники социализма, например, считают возможными.

Но мышление и исследования прошлого столетия прояснили, что классификация имущества согласно характеру реальных прав и согласно спектру связанной собственности должна становит основу любой системы социальной справедливости в будущем.

Определенные вещи, океан, воздух, редкие дикие животные должны быть коллективной собственностью всего человечества и не могут в то же время быть в безопасности, пока они таковыми не считаются, и пока существует некий конкретный орган, который существует для реализации этих имущественных прав. При существовании коллективный контроль должен защищать эту общую собственность, море – от брошенного в него имущества, диких существ – от истребляющего охотника и глупого коллекционера. Исчезновение многих прекрасных созданий – одно из наказаний, которые наш мир несет за медлительность в развитии коллективных общих правил. И существует много важнейших вещей и общих потребностей, которые сейчас требуют унифицированного контроля в общих интересах. Сырьевой материал земли должен предназначаться для всех, не монополизироваться какой-либо жадной личностью или суверенным государством, а также не удерживаться от эксплуатации в целях общей пользы претензиями территориального преимущества того или иного отсталого торговца или племени.

В прошлом большинство этих универсальных вопросов пришлось передать конкурирующим жаждущим прибыли личностям, поскольку еще не существовало коллективов, организованных для разработки и контроля этих вопросов, но однозначно никто в этом отношении не считает, что поставка и распределение жизненно важных товаров на земле безответственными людьми и компаниями, работающими исключительно для получения денежной прибыли, - это лучший возможный метод с точки зрения гонки в целом. Земля, все пригодные природные материалы подпадают под правила и использование личной собственности, поскольку в прошлом она являлась единственно признанной и реальной формой административной собственности. Развитие и больших холдинговых компания, и правительственных отделом с экономическими функциями, стало делом последних нескольких веков, более или менее безличной собственности, скажем так, коммунальной, и только благодаря такому развитию идея организованной коллективной собственности стала правдоподобной.

Даже на довольно современных государственных предприятиях существует тенденция возвращаться к роли бдительного, ревнивого и примитивного личного собственника, к мнимой власти Его Величества Короля. В Великобритании, например, все еще считается, что Джордж Рекс

контролирует Начальника своей почтовой службы, утверждает, осуждает и призывает его к ответу. Но Всемирный почтовый союз, направляющий рекомендованное письмо из Чили в Норвегию или из Ирландии в Пекин, практически полностью отделен от понятия индивидуального собственника. Он работает; он критикуется без страха или злобы. Не считая кражи и просматривания писем политической полицией разных стран, он работает довольно хорошо. А единственная сила, которая обеспечивает его хорошую работу, - это сознательный здравый смысл человечества.

Но когда мы предусмотрели замену индивидуальной частной собственности более высокоорганизованными формами коллективной собственности, подлежащей свободной критике и ответственной перед всем человечеством, то в общем контроле моря и земли, в получении, подготовке и распределении жизненно важных товаров и в транспорте мы действительно назвали все возможные обобщения конкретной собственности, которых потребуют наиболее ярые приверженцы социализма современности. И если мы добавим к ним необходимое поддержание денежной системы центральным мировым органом на основе, которая заставит деньги оставаться с рабочим, который зарабатывает их, и с начала до конца представлять для него ценность в товарах первой необходимости, которые ему были даны, чтобы он понимал, что они должны быть, и если мы сформируем кредит, адекватно контролируемый в общих интересах национализированной всемирной банковской организацией, мы создадим мир, из которого будет исключена индивидуальная собственность и неограниченное индивидуальное предпринимательство. Кроме того, наука социальной психологии, возможно, будет убеждать нас, что наилучшее будет сделано для мира личностями, которые будут свободны в использовании своих способностей. Если индивидуальный землевладелец или владелец природных ресурсов исчезнет, вероятно, на больших территориях его заменят арендаторы со значительными гарантиями владения, съемщики и лицензиаты под коллективными собственниками. Это будет являться практикой, признанным лучшим курсом, который позволит фермеру получить максимально возможную прибыль посредством его собственной индивидуальной производительности, а съемщику даст возможность обустроить свой дом и заниматься садоводством по своему желанию.

Такие очень либеральные условия являются особенностью мирового блага, в направлении которого движется современное понимание, когда это касается управления и экономической жизни. Организация коллективных органов, способных осуществлять эти более широкие права собственности, которые не могут надлежащим образом использоваться в общих интересах независимыми частными собственниками, является позитивной практической проблемой, стоящей сегодня перед интеллектуальной частью человечества. Характер таких коллективных органов все еще остается открытым вопросом, даже в таких моментах, как будут ли они выбираться или являться группами, получившими свои полномочия от других санкций. Их объем и методы работы, их отношения друг с другом и с центральным управлением разведки также необходимо определить. Но перед тем как

закончить это эссе, возможно, нам удастся найти ясность, как минимум, для начала такого определения.

Социализм девятнадцатого века в своих различных формах, включая утвердившуюся формулу коммунизма, являлся серией проектов для установления такого коллективного контроля, в большей части поверхностных проектов требовался глубокий психологический анализ. Главным образом, движения протеста и бунты против очевидной несправедливости, возникающей из эгоистично индивидуалистического применения новых и более продуктивных технических и финансовых методов восемнадцатого и девятнадцатого веков были способных выйти за пределы разумной социализации в своих потребностях, и минимизировать абсурдные трудности и опасность коллективного контроля. Негодование и нетерпимость преобладали в их настроениях, и если они и немного создали, то они многое обнажили. Мы способны лучше оценить значение задачи, которая перед нами стоит, благодаря просветам и урокам, достигнутым этими передовыми движениями.

ГЛАВА VII СТАБИЛЬНОЙ УТОПИИ НЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ

Этот унифицированный мир, к которому усилия духовного меньшинства направят человеческую деятельность, невозможно описать читателю как статический и стереотипное представление счастья. Действительно, можно сомневаться, возможно ли счастье без постоянно изменяющихся условий, включающих непрерывно увеличивающиеся и возбуждающие возможности. Человечество, освобожденное от давления населения, груза войны и частной монополизации источников богатства, встретиться с вселенной со значительным и увеличивающимся избытком воли и энергии. Изменения и инновации будут порядком жизни; каждый день будет отличаться от предыдущего еще большей обширностью интереса. Жизнь, которая когда-то была рутинной, сопротивлением и невезением, станет приключением и открытием. Она больше не будет «старой, старой историей».

Мы только вышли из числа животных в их борьбе за существование. Мы живем на раннем этапе рассвета человеческого самосознания и пробуждения духа власти. Мы считаем, что упорная эксплуатация наших внешних и внутренних миров научными и творческими стремлениями приведет к развитию силы и деятельности, на которые в настоящий момент мы не можем ни наложить ограничения, ни придать какую-либо определенную форму.

Наши враги – смятение разума, недостаток мужества, недостаток любознательности и воображения, праздность и расточительный эгоизм. Это те враги, против которых настраивает себя Открытая конспирация; это тюремщики человеческой свободы и успеха.

ГЛАВА VIII

ОТКРЫТАЯ КОНСПИРАЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ РАЗНОРОДНОЙ

Это открытое и очевидное намерение установления мирового порядка на основе настоящей мозаики отдельных государств, отбрасывая милитаристские концепции, которые до сих пор придавали государствам их типичную форму, и делая различные основополагающие процессы экономической жизни недостижимыми для погони за личной прибылью и индивидуальной монополизацией, которые являются сутью этой Открытой конспирации, к которой современный духовный разум должен обязательно обратить свою практическую деятельность, не может не вызвать масштабного сопротивления. Это не творческая деятельность в недвусмысленной сфере; это творческая деятельность, которая едва ли может существовать, не споря с установившимися ценностями. Это отказ от стада, от «оставить все как есть». Она критикует все в человеческой жизни целиком и полностью, и считает все недостаточно хорошим. Она наносит удар по общему желанию человека чувствовать, что все идет «хорошо».

Можно сделать вывод, и это будет опрометчивый необоснованный вывод, что только люди, для которых мы смогли найти симпатию и необузданную энергию в продвижении революционных изменений, будут несчастны, неудовлетворенны, лишены собственности и побеждены в жизненной борьбе. Эта идея лежит в основе догм классовой борьбы марксистов, и она основывается на полностью сырой концепции человеческой природы. Предполагается, что у успешного меньшинства нет эффективного мотива, но есть желание удержать и усилить свои преимущества. В этой связи ему приписывается довольно мнимое единение, абсурдная классовая деятельность. С другой стороны, предполагается, что неуспешная масса – «пролетариат» – способна четко понимать свое невыгодное положение, и чем более она жалка и озлоблена, тем ближе ее бунт, ее конструктивная «диктатура» и Тысячелетие.

Несомненно, в теории коммунистической революции значительная часть правды искажена. Люди, как и другие животные, склонны оставаться там, где их обстоятельства терпимы и хотят что-либо изменить, когда им некомфортно, а значительная часть людей, живущих в достатке, хотят незначительных изменений в настоящих условиях или вообще не желают их, в том числе те, кто слишком глупы, чтобы им надоела жизнь без прогресса, – а значительная часть тех, кто фактически ощущает неудобства ограниченных средств и давление населения, желают изменений. Но гораздо более широкие массы обычных людей привыкли к низкому положению и лишениям, они не ощущают их, даже желая изменений, либо осознав их, они все же боятся изменений, даже в большей степени, чем им не нравится их низкое положение. Более того, те, кто достаточно натерпелся, чтобы осознать, что «что-то нужно с этим делать», склонны выдвигать глупые и угрожающие требования, и мстительными и карательными действиями против ненавистных счастливицков, с которыми им пришлось непосредственно столкнуться, чем к какой-либо реакции на такую сложную, предварительную дисциплинированную созидательную работу, которая может улучшить долю

человечества. На практике выявлено, что марксизм может прибегнуть к злонамеренной разрушительной деятельности и быть таким неизобретательным, что являться практически беспомощными перед лицом материальных трудностей. В России, где - как минимум в городах - марксизм был подвергнут испытаниям, доктрина Республики рабочих остается объединяющим элементом, испытание православия, имеющего там незначительное практическое значение, как и коммунизм Иисуса, и сходство с Христом в христианском мире, тогда как под этим вероисповеданием небольшая группа олигархов, которая добилась власти, настойчиво старается провести ряд различных интересных и успешных экспериментов в социализации экономической жизни, в чем ей препятствуют в своей подозрительности и враждебности западные финансисты и политики. С каждым годом становится все яснее, что марксизм и коммунизм - отклонения от стези человеческого прогресса, и что линия роста должна следовать курсу, потакая в меньшей степени обычным порывам нашей природы.

Основная нить истины в теории социального развития, сплетенной Марксом и Энгельсом - это то, что успешные, спокойные люди склонны испытывать неприязнь, препятствовать и даже активно сопротивляться каким-либо существенным изменениям в текущей мозаике условий, однако основные опасности такой мозаики могут включать лишения и страдания других людей. Основной нитью заблуждения в этой теории является поверхностное предположение о том, что люди, находящиеся в невыгодном положении, будут направлены на просто беспорядочное и разрушительное выражение негодования. Если сейчас мы отвергнем заблуждение и примем истину, мы утратим иллюзорный комфорт веры в магического великана, Пролетариат, который будет диктовать, организовывать, возрождать и создавать; но таким образом мы создаем путь для признания элиты интеллектуальных религиозных людей, разрозненных по всему сообществу, и для изучения метода придания эффективности творческого начала этому в человеческой деятельности против массового противодействия эгоизма и консерватизма, лишённого творческого мышления.

Сегодня определенные классы людей, например убийцы и воры, кажутся опасными для общества без возможности искупления, а другие, например букмекеры, кажется, вносят минимум беспорядков и развлекают нас с максимумом вреда. Своенравные бездельники являются еще большим бременем для сообщества. Другие социальные классы, например профессиональные солдаты, снова имеют определенное традиционное благородство, которое маскирует главным образом паразитическое отношение их службы к развивающемуся современному сообществу. Армии и вооруженные силы - рак, причиной которой является злокачественное развитие патриотического вируса в современных условиях гиперболизации и массового гипноза. Но поскольку сегодня существуют армии, подготовленные насильственно действовать в мире, необходимо, чтобы Открытая конспирация включала способности противостоять военному насилию, а также сражаться и уничтожать армии, которые стоят на ее пути. Возможно, первых два типа, приведенных здесь в качестве примеров, могут

порицаться как классы и исключаться, как классы, из участия в организованном усилии изменения мира, но совершенно очевидно, что солдаты не могут исключаться, как класс. Мировому благу будут необходимы собственные научные методы предотвращения, поскольку существуют люди, бегающие по планете в униформе с флагами и оружием, предлагая насилие своим товарищам и вмешиваясь в товарооборот во имя национальной суверенности.

А что касается общих функционирующих классов, землевладельцев, промышленников, банкиров и т.д., которые контролируют настоящую систему такой, как она есть, то должно быть очевидно, что во многом от этих классов, их опыта и традиционных методов зависит возникновение направляющих сил нового порядка. Открытая конспирация не может иметь ничего общего с ересью, которая заключается в том, что путь человеческого прогресса лежит через масштабную классовую войну.

Рассмотрим, как следует придерживаться такого комплекса видов деятельности, применения, аккумуляирования, преимуществ, создаваемых банковским миром. Нет сомнений, что многие банкиры и многие практики в банковской сфере работают в личных или групповых целях к общему ущербу. Они опережают, монополизуют, принуждают и вымогают, чтобы таким образом увеличить свое богатство. А другая большая часть этого банковского мира придерживается рутины и установленной практики; она ведет и поддерживает ход деятельности, и она ни враждебна, ни благоприятна к развитию прогрессивной мировой финансовой организации. Но еще остается группа оригинальных и умных людей в банковской или связанной с банковской сфере, или заинтересованные в банковской сфере, которые реально осознают, что она играет очень важную и интересную роль в мировой деятельности, которых интересует их собственная замысловатая функция, и склонны к научному изучению ее происхождения, условий и будущих возможностей. Такие типы естественным образом движутся в направлении Открытой конспирации. Их вопросы неизбежно выводят их за рамки привычного поля интересов банкиров к исследованию природы, за рамки течения и будущего всего человеческого экономического процесса.

На данный момент тема предыдущего абзаца может повторяться с вариациями в ряде следующих абзацев, в которых соответствующие изменения сделаны для промышленника, торговца, организатора перевозок, рекламодателя, розничного торговца, земледельца, инженера, строителя, химика и ряда других типов функционалов современного сообщества. Во всех абзацах нам следует выделить основное и отрицательное сечение, посредственное сечение, следующее за налаженным использованием, а также активное, прогрессивное сечение, которые мы обычно рассматривает в случае изменений, ведущих к прогрессивному мировому благу наших желаний. Кроме того, наш анализ должен проникнуть глубже, чем разделение личностей на типы. Почти в каждом отдельном случае в человеке выявляется сложная смесь переменчивых настроений и беспорядочных целей, иногда постоянные, иногда плывущие по течению, а иногда тревожные и интеллектуально и морально ослабленные. Открытая

конспирация должна удовлетвориться частицей человека, поскольку собирает частицы многих классов, если не может заполнить полностью.

Эта идея сведения воедино пропорций всех или почти всех функциональных классов в современном сообществе с целью сплетения истоков мирового сообщества из всей подборки довольно очевидна – но все же ей еще придется завоевывать признание. Человек – патологически общительное и фанатичное создание; он увлечен безотлагательными битвами; индивидуалист имеет наибольшее количество средств для критики своего коллеги-промышленника, но корень всего зла, по его мнению, находится в банке; наемный рабочий обвиняет во всех социальных несправедливостях «класс нанимателей». В экономических и социальных реакциях наличествует элемент обострения, а также едва ли существует реформаторское или революционное движение в истории, которое не являлось неизбирательной атакой одного функционального класса на другой, при допущении, что подвергшийся атаке класс полностью виновен в конфликте, и что атакующий класс является самостоятельным во всеобщем благе и может обходиться без своего раздражающего коллеги. Большинство таких встречных обвинений включает значительную часть правды. Но Открытая конспирация не может воспользоваться враждебностью этих классов как движущей силой. Поэтому она не может иметь универсального метода подхода. Для каждого класса у нее есть концепция изменения и развития, и к каждому классу она подходит с определенного угла. Несомненно, некоторые классы она смешивает; другие – как например, научно-исследовательский, – она должна рассматривать как совершенно достойные и только пытаться расширить и усилить их, но она больше не может принимать предрассудки и причуды любого класса как его основу, зато может принять требования уже существующего государства или империи.

Когда становится понятно, что связывающие нити Открытой конспирации, которые мы имеем в виду, являются определенными широкими общими идеями, и что (кроме, вероятно, случая научных работников), то у нас не остается текущего набора отношений и практик деятельности, которые мы можем сразу применить, не внося изменений в конспирацию. Мы в состоянии понять, что движение, которое мы рассматриваем, должно быть с самого своего начала разносторонним в своих традициях и элементах, а также в методах. Оно должно сражаться на несколько фронтов, применяя различные виды оружия. Оно будет обладать общим духом, но возможно, что между многими сопутствующими факторами могут существовать очень широкие пробелы в понимании и симпатии.